

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Е.Н. Жаров;

Е.В. Воскресенская, доктор юридических наук.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Обозначены этапы формирования модели регулирования основания и условий освобождения от ответственности в случае причинения вреда в состоянии крайней необходимости. Рассмотрен межотраслевой аспект института крайней необходимости.

Ключевые слова: крайняя необходимость, обстоятельство, исключающее ответственность, освобождение от ответственности, ответственность причинителя вреда

DEVELOPMENT INSTITUTE ABSOLUTELY NECESSARY

E.N. Zharov; E.V. Voskresenskaya.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The authors refers to the stages of the formation of the base model of regulation and conditions of exemption from liability in case of damage to the state of emergency. The article discusses the interdisciplinary aspect of the Institute of emergency.

Keywords: extreme necessity, circumstance precluding responsibility, discharge, tortfeasor responsible

Ретроспективный анализ развития института крайней необходимости позволяет обозначить этапы формирования модели освобождения от ответственности в силу крайней необходимости.

Постановления о допустимости причинения вреда с целью защиты более ценного блага были известны уже римскому праву. Древнеримское право допускало разрушение дома в случае пожара с дальнейшим предъявлением иска к виновному, самовольное изъятие чужой вещи во время угрожающей ей опасности. Принципы крайней необходимости применялись к вопросам о принудительных сделках, невозможности исполнения обязательств и т.п. Вместе с тем общего законодательного определения крайней необходимости в римском праве не существовало. Общие принципы крайней необходимости применялись лишь для защиты имущественных интересов [1].

Более содержательный подход к праву крайней необходимости наблюдается у средневековых канонистов. По каноническому праву для защиты жизни правомерно было жертвовать всяким чужим благом (жизнью, телесной неприкосновенностью, имуществом), с этой целью допускалось нарушение любой обязанности. Наказание за несоблюдение установленных запретов устранялось или значительно смягчалось. Средневековыми канонистами разработаны и введены в практику такие принципы, как «что не дозволено законом, делает дозволенным необходимость», «необходимость не знает закона, и сама творит себе закон» [2].

В XVII в. в Европе под влиянием доктрины естественного права происходит развитие учения о крайней необходимости. На фоне идеи права как общественного договора формируется представление о том, что действия, совершаемые при крайней необходимости, обосновываются человеческой слабостью. Если давление необходимости достигает крайних пределов и иной выход из трудного положения, кроме нарушения закона, отсутствует, то это положение создает «*regum ius natur*» («чистое право природы»), которое, в свою очередь, возрождает первоначальное естественное право. Теория немецкого юриста С. Пуффендорфа главным образом подчеркивает важность инстинкта самосохранения. По его мнению, законодатель, устанавливая свои веления, заботится в первую очередь о благополучии

граждан, имея перед глазами природу человека, которая заставляет его искать спасения всюду, где грозит опасность. Крайняя необходимость должна приниматься во внимание везде, где это категорически не воспрещено законом. Пуффендорф С. первым смоделировал ситуацию столкновения человеческих жизней. Такое действие С. Пуффендорф объявлял неприступным [1].

Гегель Г.В.Ф. признавал крайнюю необходимость правом нужды и утверждал, что «защита своего права за счет чужого права становится правомерным деянием, как скоро приходится защищать жизнь как основу бытия личности, за счет какого-либо его единичного проявления, например, права имущественного» [2].

Таким образом, при обосновании правомерности или ненаказуемости действий, обеспечивающих устранение опасности, ранние теории крайней необходимости исходили либо из субъективного критерия (при крайней необходимости у лица возникает особое психическое состояние, делающее его как бы невменяемым), либо из объективного критерия (теории, основывающиеся на объективном принципе перевешивающего значения меньшего зла).

Субъективный критерий объяснения ненаказуемости действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, воспринят многими современными доктринами. Кроме того, крайняя необходимость рассчитана и на случаи столкновения охраняемых интересов. В таких ситуациях используется формула «перевешивающего интереса», исходящая из объективного критерия.

Подавляющая часть русских юристов придерживалась теории субъективного обоснования крайней необходимости [3, 4]. Институт крайней необходимости был воспринят советским уголовным правом [5]. Развиваясь преимущественно в рамках уголовного права, крайняя необходимость со временем перестает рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего вменяемость. Западная правовая наука содержанием крайней необходимости считает защиту коллективного интереса, которая осуществляется в целях «минимизации вреда» [6].

Российским законодательством, исходя из приоритета защищаемого интереса, допускается возможность освобождения нарушителя от ответственности. Крайняя необходимость – обстоятельства, при которых лицо для того, чтобы предотвратить ущерб своим личным интересам, интересам других лиц, общества и государства, вынужденно причиняет вред другим охраняемым интересам. Лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, всегда стоит перед выбором оценки вреда, который был причинен, вреда, который должен быть устранен.

В этой связи перед законодателем стоит важная задача – обеспечить баланс интересов. С одной стороны, интересов причинителя вреда, исходя из того обстоятельства, что лицо действует правомерно. С другой стороны, лица, интересам которого вред причиняется, исходя из того, что права и свободы признаются Конституцией Российской Федерации высшей ценностью (ст. 2) [7], а значит должны быть гарантированы законодателем.

Закон допускает причинение вреда в исключительных случаях. В рамках крайней необходимости такая возможность устанавливается применительно к субъектам, независимо от их отношения к интересу, которому причиняется вред, служебного положения и иных качеств. Однако некоторые категории лиц не только вправе, но и обязаны совершить действия, связанные с причинением ущерба, для предотвращения более опасного вреда. Например, в том случае, если речь идет об определении полномочий соответствующего органа (в том числе полномочий органов системы МЧС России).

Институт крайней необходимости является межотраслевым и используется законодателем для регулирования публичных (ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 2.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и частных отношений.

В уголовном законодательстве институт крайней необходимости характеризуется

причинением вреда интересам, охраняемым уголовным законом. Изначально институт крайней необходимости формировался, исходя из идеи инстинкта самосохранения, оправдывая в большинстве своем поступки лица, совершенные для достижения этой цели [8]. Сущность института крайней необходимости заключается в предоставлении права любому физическому лицу на причинение вреда одним правоохраняемым интересам в целях предотвращения опасности причинения более значительного вреда другим правоохраняемым интересам. Причинение вреда в таком случае – единственное, крайнее средство устранения опасности наступления более тяжких последствий или ее минимизации [9].

Статьей 39 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости [10].

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено, что причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред, не является административным правонарушением (ст. 2.7) [11]. Более того, действие лица в состоянии крайней необходимости входит в перечень обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5).

В отличие от публичных отраслей, положениями гражданского законодательства действие лица в состоянии крайней необходимости не рассматривается в качестве основания освобождения от ответственности. В ст. 1067 Гражданского кодекса Российской Федерации определяются особенности ответственности в состоянии крайней необходимости, то есть причинения вреда в результате противоправных действий. Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред [12].

Данную норму можно рассматривать как исключение из общего правила, предусмотренного ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, об ответственности за неправомерные действия. Согласно п. 3 указанной статьи вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом [12]. В связи с тем, что действия в состоянии крайней необходимости не нарушают правовых норм, но, тем не менее, нарушают субъективные права граждан или юридических лиц, термин «ответственность» в данном случае не используется (ст. 1067) [13].

Резюмируя, отметим, что нормы, определяющие последствия причинения вреда лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, включены в отраслевое законодательство. При этом в публичных отраслях права для целей привлечения к ответственности (административной, уголовной) крайняя необходимость рассматривается как основание освобождения от ответственности. Тогда как в рамках внедоговорного обязательства причинение вреда в состоянии крайней необходимости требует его возмещения причинителем.

Подобное различие можно объяснить тем, что в рамках публичных отношений вред причиняется охраняемому публичному порядку. В этой связи публичный субъект может, сопоставив защищенный и поврежденный интерес, освободить нарушителя от ответственности.

Что касается гражданско-правовых отношений, то в данной сфере законодатель

нацелен на создание гарантий защиты интересов стороны, пострадавшей в результате причинения вреда. В этом проявляется восстановительная функция внедоговорных обязательств.

Литература

1. Антонов В.Ф. Развитие института крайней необходимости // Правоведение. 2005. № 6. С. 196–206
2. Энциклопедия государства и права / под ред. П.И. Стучки. М., 1930. Т. 2. С. 423.
3. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1905.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. в 2-х т. СПб., 1908.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 600.
6. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 350–352.
7. Конституции Рос. Федерации от 12 дек. 1993 г. URL: <http://www.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2016).
8. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 237.
9. Уголовное право России: учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 326.
10. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2 954.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
12. Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
13. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3-х т. / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011. Т. 3.